

стана к вопросу о необходимости принятия мер по сохранению всего богатства и разнообразия форм художественных традиций народного прикладного искусства — к созданию во всех республиках широкой сети художественных промартедей, а также художественно-ремесленных школ для передачи молодежи опыта народных мастеров.

10. Совещание отмечает, что в большинстве республик Средней Азии, несмотря на настоятельную необходимость, отсутствуют или не отвечают своему назначению музейные здания. Постройка специальных зданий — необходимое условие дальнейшего развития музейной работы.

11. Необходимо всемерно усилить подготовку кадров археологов и этнографов, особенно из местных национальностей. Особенное внимание следует обратить на неравномерное распределение специалистов по этнографии, в частности, на недостаточную обеспеченность этнографическими кадрами Туркменской ССР.

12. В целях обмена опытом и для помощи молодым научным работникам желательно издание сборника статей по методике археологических работ в Средней Азии, а также организация экскурсий на крупные археологические раскопки для ознакомления с памятниками.

13. Совещание признает крайне желательным издать необходимое в повседневной работе историков, археологов и этнографов собрание сочинений В. В. Бартольда, особенно вторую часть его работы «Туркестан в эпоху монгольского нашествия», а также «К истории орошения Туркестана» и «Улугбек и его время», и первую часть труда В. Тизенгаузена «Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды». Просить Президиум АН СССР поручить Институту востоковедения подготовить их к изданию.

14. Просить Издательство АН СССР издать труды Второго совещания, посвященного изучению археологии и этнографии Средней Азии, в счет лимита, выделенного для союзных республик.

КОНФЕРЕНЦИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ, ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ

С 17 по 22 декабря 1956 г. в Казани проходила конференция по археологии, древней и средневековой истории народов Поволжья, организованная Институтом истории материальной культуры, Казанским филиалом Академии наук СССР и Государственным музеем Татарской АССР. В конференции приняли участие ученые Москвы, Ленинграда, автономных республик Чувашской, Мордовской, Марийской, Татарской, Удмуртской, а также других областей и республик Советского Союза.

Конференцию открыл председатель президиума Казанского филиала АН СССР акад. А. Е. Арбузов, который отметил большую роль ученых Казани и особенно Казанского университета в деле изучения истории многонационального Поволжья. А. Е. Арбузов приветствовал участников конференции и пожелал им плодотворной работы.

С большой речью выступил член-корр. АН СССР Б. А. Рыбаков (Москва). Он осветил вопрос о современной археологической изученности Поволжья и остановился на задачах, стоящих перед археологами и этнографами в деле выяснения сложных этнокультурных связей многочисленных народов Поволжья и Приуралья.

На конференции было прочитано семь докладов на пленарных заседаниях. Кроме того, работало четыре секции: неолита, бронзы и раннего железа; средневековья; эпиграфики и нумизматики; этнографии. На этнографической секции было прочитано 15 докладов.

С докладом «Этнографические исследования материальной культуры русского населения Среднего Поволжья» выступил Е. П. Бусыгин (Казань).

Русское население, отметил докладчик, имеет сложную историю формирования. Археологические памятники и различные исторические источники свидетельствуют о наличии русских людей в районе Средней Волги, начиная с IX в. С середины XVI столетия идет интенсивное заселение Поволжья русскими из различных областей нашей страны. Анализируя материал, полученный в результате многолетних полевых исследований, автор утверждает, что русские пришли в Поволжье в основном из центральных районов России и с Верхней Волги. Обширность территории Среднего Поволжья, разнообразие природно-географических условий, различие путей, по которым шло его заселение, тесные отношения с местными коренными народами обусловили некоторые особенности в культуре и быте русских Поволжья. На рассматриваемой территории Е. П. Бусыгин выделяет пять этнографических районов и дает их краткую характеристику.

Доклад «К истории этнографического изучения народов Среднего Поволжья и Приуралья Музеем этнографии народов СССР» прочитала Т. А. Крюкова (Ленинград). В докладе показана большая собирательская и научно-исследовательская дея-

тельность сотрудников Музея этнографии на территории многонационального Поволжья, степень изученности отдельных народов и перспективы работы на ближайшие годы.

К. Ю. Марк (Таллин) сделала доклад по итогам антропологического изучения мордвы. На основе большого антропологического материала, собранного в 1955 и 1956 гг. Мордовской экспедицией АН СССР, докладчик приходит к некоторым предварительным выводам относительно антропологического состава мордвы, выделяя три расовых компонента: 1) светлый массивный широколицый европеоидный тип, который прослеживается среди мордвы-эрзи; 2) темный грациальный узколицый европеоидный тип, преобладающий среди мокшанского населения в северо-западных районах Мордовской АССР; 3) уральский тип, следы которого наиболее ярко выражены у северо-западных групп мокши. К. Ю. Марк кратко остановилась на вопросе происхождения выделенных антропологических типов.

С докладом «Некоторые вопросы развития мордовской культуры» выступила Л. М. Сабурова (Ленинград). Опираясь на многочисленные исторические и археологические данные, она прослеживает тесные отношения мордвы и русских до присоединения края к Русскому государству и доказывает, что во весь последующий период сближение русских и мордвы происходило очень интенсивно на экономической основе, а также и в области быта.

Л. М. Сабурова показала большое прогрессивное влияние русского народа на формирование мордовской культуры. Однако, как указала докладчица, русская культура не только не подменила собой национальную культуру, но напротив — способствовала ее дальнейшему интенсивному развитию. Очень ценным в докладе было то, что в нем рассмотрены и вопросы взаимодействия культур. Л. М. Сабурова привела ряд фактов, показывающих, что мордовский народ оказывал влияние на русских близлежащих районов (особенности сельскохозяйственных построек, одежды, отчасти и народного творчества).

Следующим был заслушан доклад Н. И. Гаген-Торн (Ленинград) на тему: «Элементы одежды как материал к этногенезу народностей Поволжья».

Благодаря историческим и экономическим условиям своего развития Поволжье является районом, где привлечение этнографических материалов по одежде особенно плодотворно для освещения истории народов. Н. И. Гаген-Торн анализирует женский костюм и головные уборы, в которых наиболее сохранились национальные черты. Автор отмечает два типа женской рубахи, бытующих в Поволжье: а) финский, наиболее ярко выраженный в рубахах мордвы, и б) тюркский, к которому относится в первую очередь старинная рубаха казанских татар. Взаимовлияние этих двух типов отражает исторические взаимоотношения этнических групп в Поволжье. Докладчик констатирует большую общность нательной женской одежды, орнаментаки и украшений народов Поволжья и Балканского полуострова, в особенности дунайских болгар.

Анализируя старинные головные уборы, Н. И. Гаген-Торн также указала на глубокие этнические связи народов Поволжья.

Доклад В. Н. Белицер (Москва) был посвящен теме: «Мордовская женская народная одежда как источник изучения этнической истории мордвы». В соответствии с племенными и языковыми различиями мордовского народа женская одежда подразделяется на две большие группы — одежду мордвы-эрзи и одежду мордвы-мокши. В каждой из этих групп в свою очередь выделяются более мелкие локальные подгруппы. Особые комплексы представляет собой одежда каратаев и мордвы-терюхан. Докладчик дает характеристику комплексов одежды у отдельных групп мордвы и устанавливает ряд общих черт мордовской одежды с одеждой мари, удмуртов, отчасти чувашей. Эти общие черты в одежде некоторых народов Поволжья, прослеживающиеся на протяжении столетий, указывают не только на тесные культурные связи между этими народами, но говорят также и об их этнической близости, которая подтверждается общностью многих других элементов их культуры и данными языка.

Е. П. Бусыгин и Н. В. Зорин (Казань) выступили с докладом «Одежда русского населения северной части Среднего Поволжья». В основу доклада положены двухлетние полевые исследования материальной культуры на территории Чувашской и Марийской АССР и частично Горьковской и Арзамасской областей. На основании анализа одежды авторы делают вывод, что заселение русскими данной территории шло главным образом из верхневолжских районов.

Одежда русского населения северной части Среднего Поволжья складывалась в дальнейшем как под влиянием социально-экономических преобразований, происходивших в России, так и под воздействием культуры местного населения (татар, чуваш, мордвы, мари). По различиям в одежде населения рассматриваемая территория разделяется на два района: 1) приволжский, 2) присурский. Данное разделение согласуется с историческими материалами о заселении края русскими.

С подробным информационным отчетом об этнографической работе в Удмуртской АССР выступил Г. Н. Трефилов (Ижевск). Докладчик остановился на недостаточности этнографических исследований в Удмуртии, развитие которых тормозится, с одной стороны, отсутствием кадров, а с другой — скудостью средств, отпускаемых Институтом истории языка и литературы и музеем на проведение полевых работ. Все это задерживает изучение культуры и быта отдельных групп удмуртского народа, которое очень важно для воссоздания его истории.

Одно из секционных заседаний было посвящено вопросам социальной организации и духовной культуры народов Поволжья.

С интересным докладом, вызвавшим много вопросов, выступила К. И. Козлова (Москва) на тему «Этнографические исследования в марийской деревне».

Отсталость экономического развития марийского крестьянства, расположение территории Марийской АССР в стороне от торговых путей обусловили длительное сохранение в марийской деревне отдельных явлений первобытно-общинного строя (большая семья, патронимия, соседская община и др.), исследование которых имеет большое значение для изучения истории народа. Однако этот вопрос совершенно не освещен в этнографической литературе. Опираясь на обширный полевой и архивный материал, К. И. Козлова показала особенности большой семьи и патронимии, сохранившихся у марийцев вплоть до Октябрьской революции, а местами и до коллективизации сельского хозяйства. В марийской патронимии ярко прослеживается единство присоединения, взаимопомощь и особенно религиозное единство, выражающееся главным образом в культуре предков.

Доклад «Культ киремета у чуваш» сделал Н. Р. Романов (Чебоксары). Культ киремета, отметил докладчик, в прошлом был широко распространен и прочно держался вплоть до последних десятилетий XIX в. Изучение легенд и рассказов чуваш о киреметах вскрывает классовый характер этого культа. Н. Р. Романов считает, что культ киремета является превратным отображением феодального быта, существовавшего в Среднем Поволжье в период господства болгарских и татаро-монгольских ханов. Образ киремета полностью соответствует облику жестокого феодала, ханских са-трапов, а позднее и русских помещиков, гнет которых пришлось испытать трудовому народу. Докладчик кратко остановился на причинах, в силу которых вера в киреметей стала постепенно исчезать в Чувашии.

С докладом «Пережитки тотемизма в идеологии предков казанских татар» выступил Г. В. Юсупов (Уфа). Духовная культура казанских татар, как справедливо отмечает докладчик, в особенности древние верования и поверья, остаются до сего времени не изученными. Следы тотемизма у казанских татар Г. В. Юсупов обнаруживает в различного рода запретах, в народной медицине, фольклоре, обрядах и обычаях, а также в местном археологическом материале и топонимике. Г. В. Юсупов сделал доклад о происхождении башкир и на заседании, посвященном этногенезу. Докладчик рассматривает вопрос о происхождении башкир как сложный исторический процесс смешения дотюркских финно-угорских племен с пришлыми тюркскими племенами, причем отмечает большое этнокультурное влияние волжских болгар и впоследствии казанских татар. Сложение башкир в народность стало возможным лишь с присоединением Башкирии в XVI в. к Русскому государству.

С докладом «О происхождении чувашского народа» выступил В. Д. Дмитриев (Чебоксары).

Докладчик стремился отбросить теорию о происхождении чуваш из местных племенных групп, подвергшихся огромному, преимущественно языковому, воздействию болгар. Он, опираясь на мнение сторонников болгарской теории происхождения чуваш (Ашмарин и др.), считает, что чуваш — прямые потомки болгар (вероятнее всего, одного из их племен — суваров, или сувазов), которые во время монголо-татарского нашествия принуждены были переселиться на территорию современной Чувашской АССР. Соприкоснувшись с племенами финно-угорского происхождения (близким к марийцам), они восприняли от них некоторые элементы культуры, преимущественно материальной (одежда и пр.).

Доклад на тему «Формирование чуваш (анатри) южных районов Чувашской АССР» прочитал П. В. Денисов (Чебоксары). Он изложил материалы о вторичном заселении чувашами-анатри этих районов уже после присоединения края к Русскому государству. П. В. Денисов в основу своего доклада положил свежие архивные материалы, а также предания, собранные им в течение нескольких лет среди чуваш-анатри, о переселении их предков с севера Чувашии в конце XVI—XVII века.

По всем докладам присутствующими было задано много вопросов, развернулись оживленные прения, были высказаны критические замечания и пожелания. Особенно активно обсуждались доклады, посвященные социальной и духовной культуре народов Поволжья, а также доклады, связанные с проблемой этногенеза.

В. Н. Белицер, выступая по докладу К. И. Козловой, поддержала основные положения докладчика и привела некоторые аналогии термина «киреметь». Нужно, сказала она, продолжить разработку данного вопроса с привлечением большего исторического и полевого фактического материала.

Тов. Кудряшов (Чувашская АССР), отметив большой фактический материал, положенный в основу доклада Г. В. Юсупова, высказал сомнения по некоторым положениям докладчика. Так, овин, находившийся в прошлом в пользовании многих семей, вряд ли можно рассматривать как пережиток родового строя. Это явление более позднего порядка и вызвано чисто экономическими причинами, действовавшими в старой дореволюционной деревне.

Н. И. Воробьев (Казань), выступая по докладу Г. В. Юсупова, предостерег автора от стремления считать тотемическими все фамилии, происходящие от названия животных, так как вероятнее всего эти фамилии произошли уже в поздний исторический период просто от кличек. Говоря о докладе Н. Р. Романова, Н. И. Воробьев

отметил, что докладчик слишком сузил вопрос о киреметях, взяв только наиболее поздний период развития этого культа, и не учел народных представлений о них во всей полноте.

Сравнивать культ киреметей с почитанием мусульманских и иных святых нельзя — в них имеются только частичные совпадения. Тем более нельзя, опираясь на то, что слово киреметь персидского происхождения, приписывать чувашам заимствование культа святых у иранцев-шиитов. Чуваши все время соприкасались с булгарами и татарами-суннитами, у которых культа святых нет.

И. В. Никольский, давая в целом положительную оценку докладу Н. Р. Романова, отметил недостаточно убедительное объяснение термина «киреметь». При дальнейшей разработке вопроса нужно привлечь больше исторического и полевого материала.

И. А. Золотаревская (Москва) указала на необходимость расширения исследования проблемы социальной организации и духовной культуры народов Поволжья. Институт этнографии АН СССР готовит специальный сборник, посвященный вопросам первобытной религии народов СССР. Необходимо, чтобы ученые Поволжья приняли активное участие в разработке данной проблемы, имеющей большое значение в деле выяснения истории народов, с одной стороны, и борьбы с религиозными пережитками, с другой.

А. П. Смирнов (Москва), опираясь на археологический материал, полученный за последние годы, остановился на роли булгар в формировании чувашского народа. В настоящее время можно считать установленным, что булгары шли в Поволжье широкой волной как по левому, так и по правому берегу Волги.

В 1956 г. при раскопках был обнаружен на р. Буле феодальный замок, относящийся к X—XV вв. Некоторые материалы позволяют говорить о наличии в тот период у булгар плужного земледелия. В центральных районах Чувашской АССР обнаружена болгарская керамика. Вопрос об исчезновении городской болгарской культуры на территории Чувашии является еще недостаточно выясненным. А. П. Смирнов высказал предположение, что, вероятно, булгары являются предками как татар, так и чуваш.

Х. Г. Гимади (Казань) отметил, что В. Д. Дмитриев в вопросе о происхождении чувашского народа опирается на уже известные материалы и не приводит каких-либо убедительных данных в пользу болгарского происхождения чуваш.

В. Н. Белицер отметила обширный и разнообразный материал, положенный в основу доклада Г. В. Юсупова, но указала, что вопрос о происхождении башкир автором до конца не решен. Ошибочным является утверждение, что мордва, чуваш, мари, проживающие на территории Башкирии, являются остатками коренного населения. Необходимо привлечь больше этнографических материалов и для обоснования переселения тюркских племен с Алтая.

Т. А. Крюкова, давая в общем положительную оценку докладу Г. В. Юсупова, отметила необходимость уделения большего внимания изучению мишарей, которое может дать много ценного для решения вопросов этногенеза народов Поволжья.

На заключительном пленарном заседании был заслушан доклад Н. И. Воробьева «Материалы по истории расселения казанских татар в XV—XVIII столетиях и культурные связи их с соседними народами». Н. И. Воробьев доказывает, что казанские татары к середине XVI в. занимали лишь северо-западную часть современного Предкамья Татарской АССР вблизи Казани и правобережье Волги, к западу до нижнего течения р. Свияги и к югу не далее г. Тетюш. На этой территории сложились казанские татары как народность.

Значительная часть доклада посвящена расселению казанских татар с половины XVI до XVIII в. включительно. Докладчик анализирует причины, вызвавшие расселение народа по обширной территории, и показывает культурные взаимосвязи татар с другими народами Среднего Поволжья и Приуралья.

По докладу развернулись прения. Всего выступило девять человек.

Выступавшие отметили, что доклад Н. И. Воробьева, построенный на большом историческом материале, ставит такие важные для истории народов Поволжья проблемы (и вместе с тем помогает их решению), как происхождение мишарей, бессермян и ряда других этнических и социальных групп.

В целом работа секции прошла весьма плодотворно. В прениях происходил оживленный обмен мнениями не только по докладам, но и по вопросам, связанным с состоянием этнографического изучения народов Поволжья. Выступающие говорили о необходимости планирования этнографической работы, об ее усилении и углублении.

Секцией была принята соответствующая резолюция, в постановляющей части которой указано, что этнографическая секция считает необходимым:

1. Периодически (раз в один-два года) созывать совещания этнографов, занимающихся изучением народов Поволжья, проводя эти совещания в столицах республик Поволжья (Чебоксарах, Йошкар-Ола, Саранске, Ижевске, Уфе, Казани). Первое такое совещание желательно созвать в Ижевске в конце января 1958 года.

2. Обратиться в Отделение исторических наук АН СССР с просьбой организовать с 1958 г. на средства Академии наук СССР и автономных республик многолетнюю (на 4—5 лет) Поволжскую комплексную этнографическую экспедицию (с участием антропологов и фольклористов) для углубленного изучения всех народов Поволжья и культурных связей между ними. Общее руководство экспедицией следует возложить на

Институт этнографии АН СССР, Казанский и Башкирский филиалы АН СССР. Активное участие в экспедиции должны принять и Государственный музей этнографии народов СССР (Ленинград), а также все краеведческие музеи Поволжья.

3. Данная комплексная экспедиция должна тесно координировать свою работу с археологами и лингвистами.

4. При проведении экспедиции следует вести систематический документированный сбор вещевых материалов, учитывая необходимость в дальнейшем составления историко-этнографического атласа Поволжья. Для этого нужно выделять специальные средства на приобретение соответствующих предметов у населения.

5. Учитывая недостаток в Поволжье кадров этнографов, необходимо усилить их подготовку через аспирантуру Института этнографии и Казанский филиал АН СССР. Одновременно обратить внимание на неправильное, не по специальности, использование уже подготовленных кадров в некоторых республиках Поволжья. Обратиться в Институт музейно-краеведческой работы с просьбой организовать подготовку музейных работников-этнографов для работы в краеведческих музеях.

6. Одобрить доклад начальника Мордовской этнографической экспедиции Н. В. Беллицер, заслушанный на секции, и считать желательным постановку его на конгрессе финнологов в Хельсинки в 1957 году.

Н. И. Воробьев, Е. П. Бусыгин

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ЭКСПОЗИЦИЯ «ИНДОНЕЗИЯ» В МОСКВЕ

По решению Президиума Академии наук СССР и Министерства культуры СССР в Москве была открыта этнографическая выставка «Индонезия». На выставке были экспонированы доставленные из Ленинграда коллекции старейшего музея страны — Музея антропологии и этнографии при Институте этнографии АН СССР¹. Коллекции отдела Индонезии составлялись в течение примерно 100 лет из экспонатов, привезенных в Музей антропологии и этнографии русскими и зарубежными учеными и путешественниками, посещавшими в разное время острова Индонезии. Коллекции, представленные на выставке, были собраны в основном в конце XIX — начале XX в.

В вступительном разделе выставки была дана краткая характеристика археологических памятников, обнаруженных на территории Индонезии, — фото каменных орудий палеолитического и неолитического времени, а также сооружений типа мегалитов.

Посетители получали общее представление о географическом положении страны и основных этапах колониального захвата ее (как известно, борьба за богатства Индонезии велась между испанскими, португальскими, голландскими и английскими завоевателями, причем голландские захватчики одержали верх в этой борьбе).

Следующий раздел выставки был посвящен природным богатствам Индонезии, страны исключительно разнообразной по природным условиям. В витринах были выставлены пряности, кокосовые орехи, плоды какао, кофе, рис. Здесь же можно было увидеть образцы каучука, которым так богата Индонезия, а также хинной коры. Среди материалов раздела было уделено внимание показу ценных полезных ископаемых (нефть, олово; по вывозу олова Индонезия занимает второе место в мире).

Один из разделов выставки был посвящен характеристике культуры и быта малайцев-минангкабау — группы, населяющей западное побережье Суматры (рис. 1). Уже в XIII в. минангкабау создали могущественное государство. В эпоху колониального захвата они оказывали героическое сопротивление голландским колонизаторам.

В экспозиции были представлены коллекции, характеризующие высокое развитие у минангкабау художественных промыслов: оружие и украшения из железа, стали, серебра, золота и бронзы, образцы многоцветного плетения, гончарные изделия. Иллюстративный материал давал наглядное представление о пережитках матриархата у минангкабау (наличие так называемых мужских и женских домов).

Большой интерес вызвали представленные на выставке коллекции Музея антропологии и этнографии по батакам (рис. 1), обитающим на Суматре, в зоне древних торговых магистральных путей в Индию и Китай. Материалы выставки позволили показать орудия земледелия, рыболовные снасти, предметы ткацкого производства, орудия охоты. В значительном количестве были представлены предметы художественного ремесла: изделия из латуни, серебра и меди, богато украшенные разнообразным орнаментом животного и растительного характера.

Были экспонированы образцы старинности батаков (книга из полос луба, письма на стволе бамбука), струнные и смычковые музыкальные инструменты

¹ Выставка была организована Институтом этнографии АН СССР в связи с пребыванием в Советском Союзе индонезийской правительственной делегации, возглавляемой президентом Индонезии д-ром А. Сукарно. Коллекции были экспонированы 10—20 сентября 1956 года в одном из лучших выставочных залов Москвы — в зале Союза советских художников. Автор экспозиционного плана — кандидат исторических наук Л. Э. Каруновская. О стационарной выставке, находящейся в Ленинграде, см.: Л. Э. Каруновская, Экспозиция «Индонезия» в Музее антропологии и этнографии Академии наук СССР, «Сов. этнография», 1950, № 3, стр. 191—196.